

Смотреть на все, не насилуя наблюдательности

В статье рассматривается вопрос о необходимости развития социологической рефлексии исследователя и выработке на этой основе иной стилистики написания текстов, сочетающей в себе строгость, присущую научному отношению к отбору и осмыслению фактов, и более богатое языковое оформление наблюдений и размышлений социолога, отвечающего углубленному и многомерному познанию.

Ключевые слова: рефлексивность, массовое сознание, нормы, ценности, социокультурная среда.

Михаил Тарусин

руководитель отдела

Института общественного проектирования (Москва)

Отечественной социологии не хватает рефлексивности, а наш профессиональный язык — скучен. И уже в силу этого мне хотелось бы приветствовать появление в "Телескопе" рубрики "Жизненные наблюдения социологов"¹. Небольшой вводный текст А.Н. Алексеева, озаглавленный "Невыключаемое наблюдение", а также серия эссе Б.З. Докторов и В.А. Ядова своим содержанием и стилистикой направлены именно на обсуждение темы социологической рефлексии и языка наших работ.

Алексеев, попытался обосновать направленность новой рубрики через обозначение существования некоей разделительной линии между познанием и рефлексией и одновременно наличием факторов, соединяющих их. Тексты Докторов и Ядова при первом взгляде — об одном и том же, об отодвинутой от нас реальности: американской и итальянской. Но в действительности они о разном. Докторов пишет о мире, находясь в одной из внутренних его точек, и объектом его рефлексии являются некоторые фрагменты его повседневности. Ядов выступает как внешний наблюдатель и описывает ряд эпизодов его "Римских каникул"; это — лежащее за его повседневностью, это — праздничность. Выйдя далеко за рамки тем, которые Докторов и Ядов исследуют как социологи, они при этом остаются представителями своей профессии, не превращаются в публицистов, журналистов. Именно в этом проявляется, с одной стороны, "невыключаемость" их профессионального сознания и с другой — их стремление к поиску новых приемов отражения познаваемого ими.

Хотелось бы в опоре на собственный опыт написания таких "рефлексивных заметок" изложить некоторые аспекты моего понимания природы социологической рефлексии.

Макс Вебер говорил, что социальность подлежит "расколдовыванию" в социологической рефлексии, место "объективности" в которой все больше начинает занимать "субъективность". Один из путей такого расколдовывания — развитие социологической рефлексии исследователя как собственно в процессе его профессиональной деятельности, так и в восприятии им повседневности. Реализация этой установки почти автоматически влечет за собою выработку иной стилистики, своего рода кентавра, соединяющего в себе строгость, выверенность, присущую научному отношению к отбору и осмыслению фактов, и более богатое языковое оформление наблюдений и размышлений социолога, отвечающего углубленному и многомерному познанию.

Почему именно сегодня социологическая рефлексия и средства ее выражения актуализировались, зачем вообще нужен этот метод и почему он оказался востребованным? Мне представляется, что он расширяет методологический и методический арсеналы социологии, являя собою своеобразный мост между макросоциологическими построениями и конструктами

микросоциологии. Ибо именно в таком синтезирующем ключе и работает профессиональное социологическое сознание. Скажем, в осмыслении происходящего социолог не останавливается на итогах массовых опросах, но тем ли иным способом дополняет их своими непосредственными наблюдениями и размышлениями о прочитанном, отголосками обсуждений с коллегами.

Массовое сознание далеко не всегда есть отражение истинной ткани народной жизни, ее внутреннего, глубинного состояния. В жизни любого общества есть периоды культурного и нравственного кризиса, когда возникает разрыв между внешней социальной реальностью и внутренними культурными смыслами. Вот тут и выходят на авансцену средства микросоциологии, задачи которой становятся поистине общенациональными: определить глубинное содержание народной жизни, выявить те социальные символы и образцы, которые являются корневыми для отечественной культурной топки. Сравнить их с образцами иной социокультурной среды для того, чтобы понять, наконец, смысл нашего развития и цель движения вперед. Вот здесь социологическая рефлексия — пока не операционализованная и мало изученная — может оказаться весьма актуальной, востребованной. Она способна привнести в картину мира, создаваемую социологом, если не новые краски, то крайне необходимые тона, оттенки.

Тут необходим не обывательский взгляд на вещи, которые при поверхностном наблюдении кажутся *нормальными*, но профессиональная рефлексия и по поводу этой "нормальности", и относительно причин, породивших массовое мнение. К примеру, недавно Москву подключили к нескольким десяткам телеканалов, в числе которых оказались американские. По каналу "Discovery Channel" показывали криминальную программу про американскую девушку, которая, вообразив себя вампиршей, зарезала преподавателя и выпила его кровь. Случай — клинический. Но женщина, прокурор штата, комментируя происшествие, сказала буквально следующее:

— То, что она сделала, ужасно и неприемлемо. И главное — это противоречит общественным ценностям!

Не законам совести и нравственности, но — *общественным ценностям*, которые, как известно, меняются. Если дело только в этом, возникает вероятность, что высасывание преподавателей может когда-нибудь стать общественной нормой. Однако я не уверен, что эти соображения приходят в голову американскому зрителю именно в силу различия культурных парадигм.

По другому каналу показывают защитников животных, они только что отняли пса у хозяев, которые плохо с ним обращались. Пёс действительно выглядит неважно, но сами хозяева — ещё хуже, хотя их состояние никого не интересовало, поскольку

¹ Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. №6. С. 47-53.

ку данная служба занимается лишь животными. Пса долго выхаживали в приюте, а когда он приободрился, устроили экзамен — дали в миске еду и принялись тут же отнимать ее пластиковой рукой на палке. Это была обязательная проверка на агрессию. Пёс вцепился в палку, был признан недостойным жизни и казнён методом инъекции.

Здесь примат закона вступает в явное противоречие с человеческой нормой простого сострадания; несчастный пёс оказался заложником той нормы, согласно которой ему не положено жить плохо, но сам он не достоин жить хорошо.

Следующая программа: реставрируется старый автомобиль в тайне от его хозяина, который пока горюет об её пропаже. Но вот торжественный момент — счастливчику объявляют, что его машина теперь как новая и он может её забрать. С завязанными глазами вводят его в салон, где сверкает лаком какой-то Кадиллак 1956 года, и повязка спадает с глаз. Не ругаясь за точность воспроизводимых бессвязных воплей, но примерно так:

— *О! О! Это же моя мечта! Это же была цель моей жизни! И папы тоже. Он не дождал до этого момент два года, но теперь он здесь, я чувствую это! Папа, ты видишь её?! Она прекрасна! Папа, теперь ты можешь быть спокоен — вот она и она наша! Я передам её детям, а те — внукам! О! О!*

Я привожу эти примеры, иллюстрируя следующей мыслью — рефлексия оперирует личными смыслами и тогда приносит плоды, когда иной мир и иные нормы и ценности вступают в противоречие с нормами наблюдателя. Или же когда эти нормы, неявно конфликтуя с нормами наблюдателя, обнаруживают свои традиции, отличные от привычных вам, но в принципе, могущие вписаться в нашу систему ценностей полностью или частично. Осваивая иное через свою систему ценностей, можно именно на свое, привычное, взглянуть со стороны и сделать усилие к его объективной оценке, которая возможна только через сравнительные характеристики. Таким же образом возможно анализировать те социальные нормы и правила иной культуры, которые никак не впишутся в нашу среду.

Проходя мимо своего дома, я постоянно вижу кошек, живущих в подвале невесть каким числом; их кормят местные старушки. И тут же вспоминаю программу ТВ "Animal-planet", в которой из такого же подвала целый день выживали несколько десятков кошек, чтоб отвезти их в кошачий приют. Думаю, нет аргументов, позволивших бы объяснить нашим соотечественникам смысл подобной процедуры.

С другой стороны, язык культуры наиболее универсален и позволяет разным народам и цивилизациям находить точки соприкосновения. Будучи в Америке на пикнике, который жители одного района (area) ежегодно устраивают в целях проявления добрососедства, я оказался рядом с простой американской семьей. Плотный мужик дальнобойщик, его статная жена, пухлая дочка лет семи да молчаливый прыщавый отрок показались мне точной копией какой-нибудь нашей семьи с тамбовщины или рязанщины. Папаша спросил меня:

— *Вы тут знаете кого-нибудь?*

— *Нет — сказал я — а вы?*

— *Тот же — сказал — недавно только переехали. Сыну тут не нравится, домой хочет.*

— *Взаимно — сказал я — но ведь надо дождаться свинью.*

Все они оглянулись на громадную жаровню, где томился цельный хряк с пригорелым пятаком и хором сказали:

— *Да, свинью мы подождем.*

Я вдруг почувствовал, что нас вообще ничего не разделяет, ни культурно, ни национально. И что вообще сижу я не в штате Массачусетс, а именно где-то под Рязанью. Мы притащили из машины пиво и славно пообщались под свинью.

Сегодня много говорят о толерантности, представляя её как свойство терпимости к инакому, но толерантность лишь тогда действительна, когда опирается на свою систему ценностей. Лишь тот, кто имеет своё и дорожит им, может адекватно оценить чуждое и принять его, соотнося со своим. Сила уважит

силу, ум преклонится перед умом, культура признает культуру. В каких бы иных формах и выражениях это не было оформлено.

К примеру, в записках об Америке, я много писал про умение американцев обустроить пространство, сравнивая широту географии и климата с Россией. Насколько сегодня выглядит расстроенной и разоренной наша земля, настолько умно и дельно обустроена она на просторах Штатов. И перенять этот опыт даже нам, имеющим тысячелетнюю историю, отнюдь не зазорно.

Социологическая рефлексия не есть некая четко регламентированная познавательная процедура или методика, но определённый взгляд на мир, или некая методология, предполагающая поиск норм и образцов, изучение и описание. Эта методология включает в себя целенаправленное, но спонтанное (прорывающееся из неких глубинных установок) вычленение ограниченного фрагмента окружающего автора мира, погружение в него, т.е. задержка авторского внимания именно на нем, и лично-профессиональный анализ наблюдений-впечатлений.

Человек, попадающий в новую для себя среду, начинает её осваивать и часто делает это по шаблонам, по которым пишутся социологические отчеты. Вступает в силу "синдром туриста". Люди озабоченно собирают впечатления для некоего стандартного отчета, покупают в лавках одни и те же сувениры, которые потом узнаешь в разных домах на полках. Порой это переходит в паранойю, и люди в поте носятся, коллекционируя "впечатления" и превращая пребывание своё в новой среде в попытку для себя и окружающих.

К примеру, на Афоне, в первый же день мы расстались со своими попутчиками, которые унеслись куда-то в горы, и во все время пребывания в Свято-Пантелеймоновом монастыре мы их не видели. За исключением о. Валерия, который воротился через три дня, сказав: *"Слава Богу, добрался. Они меня совсем измучили. Всё по кустам каким-то, по тропам, я уже пятую мозоль натер. Я им говорю, отпустите меня в монастырь, Христа ради, лучше я буду там плакать, чем здесь с вами ныть. Это же какой-то православный туризм, а я молиться приехал, а не носиться по святым местам, Господи, помилуй!"*

Иван Александрович Гончаров в своем "Фрегат Паллада" сделал одно умное замечание о природе исследования окружающего мира: "Мне хотелось путешествовать не официально, не приехать и "осматривать", а жить и смотреть на всё, не усилием наблюдательности; не задавая себе утомительных уроков осматривать ежедневно, с гидом в руках, по столыку-то улиц, музеев, зданий, церквей. От такого путешествия остается в голове хаос улиц, памятников, да и то ненадолго. Вообще большая ошибка — стараться собирать впечатления; соберешь чего не надо, а что надо, то ускользнет. Если путешествуешь не для специальной цели, нужно, чтобы впечатления нежданно и незванно сами собирались в душу; а к кому они так не ходят, тот лучше не путешествуй".

Примерно так же должен действовать социолог, которому должна быть по-настоящему интересна общественная среда, в которой он находится. Одна из главных задач — понять внутренний мир пусть не народа, но хотя бы некоей общности людей, притягательных именно своей самостью, возможно, совершенно иной для нас жизнью. Когда мы жили в монастыре, самой большой загадкой был внутренний мир монахов, далёкий от нашего неизмеримо. Я ставил себя на их место, и душа начинала ныть нестерпимо. Я понимал, что отречение от своего привычного мира для меня невозможно, но тем величественнее и таинственнее казались их жизнь и внутренний мир.

Никакое общество или его часть не познаются иначе, чем через человека. Любопытнее всего реальный человек, но не как голый научный объект. Он должен быть нам дорог и близок. Сущность человека так устроена, что во зле и пороках люди примерно одинаковые, разнятся народы в обычаях нравст-

венности, национальная почва проявляется благими делами. Особенно интересны старики как своего рода квинтэссенция характерности и женщины — в них многое отражается и даже порой мужской мир в их поведении и высказываниях видится лучше, чем в самих мужчинах.

Как-то в Турции, в горах, мне попалась навстречу не старая ещё женщина, спину её гнула к земле огромная вязанка хвороста. Глаза — она глянула на нас безучастно — были потухшими до пустой омертвелости. До этого, ниже по дороге в беседке я видел трех мужчин, они пили чай и играли в нарды в тени оливковых деревьев. В этом эпизоде видна была трагедия отдельного человека, и — всковая трагедия местных традиций. Так я оценил эту встречу, которая дала больше, чем знание "томов премногих".

Исследование нравов дает понимание кодекса бытовой жизни, нравственной практики любого общества. Привычки, обычаи, мелочи житейские и традиции вековые составляют главный объект и основной предмет социологической рефлексии. Кухня, замечу, кстати, не последнее значение имеет в этом списке, как и что люди едят — много говорит о содержании их мира. Настолько, что я, было, хлебнув кофе на одной заправке в Массачусетсе, чуть было не закрыл для себя вопрос об американцах вообще. Как может жить и развиваться нация, которая пьет такую отраву — непостижимо. Но при этом выражает высокую степень национальной сплоченности и оптимизма. Таковую, что если ты при встрече скажешь приятелю, что у тебя проблемы, в следующий раз он перейдет на другую сторону улицы.

Вот сравните с нашим менталитетом:

— Ну, здравствуй — говорит мне мой друг голосом человека, которому позволили перекур между пытками.

— Привет — говорю я — как ты?

— Всё х-во — говорит он — всё.

Дочь в гритту, отобрали водительские права, а после этого он еще её разбил, жена работает, но денег не дают, а у него болезнь, которую врачи уже год не могут определить, и еще две, которые уже определили. И еще нет денег. Совсем.

— Это еще что — говорю я — вот у меня тут...

— А! — говорит он без интереса — а у меня еще вот что привалило...

Привалило не в смысле удачи, а совсем наоборот.

— Ну ладно — говорит он — держись.

— И тебе того же.

И нам обоим приятно и легче на душе.

И нам обоим легче и веселее, чего никогда не уразумеет американец, которого страдания никак не облагораживают, а только безобразят. Но при этом американцы, как мне кажется, как-то внутренне собраннее, более об одной идее, нежели мы. Не факт, что это дурно или примитивнее нашего.

Сенситивность — думается мне — американцам пока точно не грозит, как нам сегодня не грозит единомыслие. Возможно, мы от наивности восприняли демократию именно как разномыслие и многомыслие, а практику критицизма, под эгидой свободы слова, довели до центробежных тенденций в обществе.

Социологическая рефлексия, внимательно глядя на нашего современника, может преодолевать калейдоскоп наслоений сознания, общественных норм и условностей, а порой и пуганицы в его бедной голове, затуманенной бушующим океаном информации. И может добраться до того мировоззренческого основания, которое есть основание его человеческой нравственной природы.